
«Западники» и «синофилы» во внешней политике России

Андрей Цыганков

Декабрь 2009

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2009

ISBN: 978-2-86592-626-8

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles

RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски

– Доминик Фин, «Европейский союз в Грузии: "Восточное партнёрство" и политика урегулирования конфликтов», *Russie.Nei.Visions*, №44, сентябрь 2009;

– Жан-Филипп Тардьё, «Россия и страны "Восточного партнёрства" после войны в Грузии», *Russie.Nei.Visions*, №43, август 2009;

– Ева Хангстром Фриселл, Ингмар Олдберг, «"Прохладное соседство": шведско-российские отношения в свете председательства Швеции в ЕС», *Russie.Nei.Visions*, №42, июль 2009.

Об авторе

Андрей Павлович Цыганков преподаёт международные отношения и политические науки в Государственном университете Сан-Франциско. Среди его недавних публикаций: *Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy* [Русофобия: Антироссийское лоббирование и внешняя политика США], Palgrave, 2009 и *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity* [Внешняя политика России: изменение и преемственность национальной идентичности], второе издание, Rowman & Littlefield (в печати).

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
КИТАЙ И ЗАПАД В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ	7
Ключевые вопросы	7
Развитие российско-китайских отношений.....	9
КИТАЙ И ЗАПАД В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ	12
Диапазон международного дискурса России	12
<i>«Западники»-идеологи.....</i>	<i>13</i>
<i>«Западники»-прагматики.....</i>	<i>13</i>
<i>«Синофилы»-прагматики</i>	<i>14</i>
<i>«Синофилы»-идеологи</i>	<i>16</i>
Развитие международных установок России	17
ПОНИМАНИЕ ПОВОРОТА РОССИИ К КИТАЮ	19
Экономический подъём Китая.....	19
Односторонняя политика США	21
Слабость российского государства	21
ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫВОДЫ	23

Краткое содержание

По мере возрастания роли Китая на мировой арене, России становится всё труднее сопротивляться экономическому и политическому влиянию восточного соседа. Эта динамика отражается в эволюции позиции России по отношению к Китаю: если раньше она подчинялась идеям «западников», то теперь всё больше определяется влиянием «синофилов». Последние выступают за развитие отношений с Китаем на основе российских приоритетов в сфере экономики и безопасности. Хотя официальная позиция России продолжает ориентироваться на укрепление связей с Европой, государство испытывает всё большее влияние различных – как внутренних, так и внешних – групп, отдающих предпочтение отношениям с Китаем. Для Запада, перспектива дальнейшей «синофилизации» российской внешней политики подразумевает необходимость укрепления связей с Россией, одновременно сохраняя существующие тесные отношения с Китаем.

Введение

События второй половины 2008 года свидетельствуют о том, что на смену миру, возникшему после окончания холодной войны, приходит «постзападный» мир, в котором всё большая роль отводится России и Китаю. Российско-грузинская война и мировой финансовый кризис также способствовали ослаблению мирового влияния Запада в политике и экономике. Поездка в Пекин премьер-министра Владимира Путина в октябре 2009 года – в то самое время, когда в Москве с визитом находилась Госсекретарь США Хиллари Клинтон, – ещё раз подчеркнула укрепление тесных контактов между двумя государствами, в частности, в сфере энергетического сотрудничества. Заключив в начале текущего года нефтяной контракт на сумму 100 млрд. дол. США, Москва и Пекин ведут переговоры по соглашению, которое превратило бы Китай в крупнейшего потребителя российского природного газа¹. Эти тенденции могут рассматриваться как подтверждение общности взглядов на зарождающийся многополярный мир, при этом у Китая гораздо больше реальных возможностей для оспаривания мирового превосходства Запада. Китай принимает активное участие в создании международных коалиций, не включающих страны Запада – в частности, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), – а мировой финансовый кризис ещё более укрепил его могущество.

В статье рассматривается развитие отношений России с её крупнейшим азиатским соседом со времён распада советского государства. Опираясь на работы других исследователей², предпринимается попытка обобщения основных тенденций в российском восприятии Китая и демонстрируется постепенный рост значения Китая для России. Российский политический класс давно не считает годы излишне прозападной дипломатии Андрея Козырева образцом целесообразного курса внешней политики. На уровне политических решений, двусторонние российско-китайские отношения в сфере торговли и региональной безопасности достигли стратегических масштабов и обе страны демонстрируют всё большую

Переведено с английского Натальей Киселёвой-Тупе.

¹ L. Kim, «Putin Travels to China to Expand \$100-Billion Energy Relations», *Bloomberg*, 12 октября 2009.

² G. Flikke and J. Wilhelmsen, *Central Asia: A Testing Ground for New Great Power Relations*, Oslo, Norwegian Institute of International Affairs, 2008; B. Lo, *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics*, Washington DC, Brookings Institution, 2008; P. Rangsimaporn, *Russia as an Aspiring Great Power in East Asia Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin*, New York, Palgrave Macmillan, 2009.

близость восприятия глобальных приоритетов и предлагаемых решений общемировых проблем. На уровне официальной позиции, на смену «западникам», то есть сторонникам сближения России с западными государствами, пришли «синофилы», отстаивающие идею укрепления связей с восточным соседом России, даже, если это будет в ущерб отношениям с Западом. В то же время, в России существует и обеспокоенность ростом мощи и влияния Китая и его возможными последствиями для суверенности и независимости России. Наблюдающаяся сегодня «синофилизация» внешней политики России не является ни абсолютной, ни необратимой, и в отношениях Кремля с Пекином прагматичный подход к экономическим и политическим интересам продолжает доминировать над идеологическими взглядами и общностью ценностей.

Китай и Запад в российской внешней политике

Ключевые вопросы

России, географически расположенной между Китаем и западным миром, приходится иметь дело с вопросами как регионального, так и глобального значения. Отношения России с Китаем включают такие специфические вопросы как трансграничная миграция и территориальные споры. Некоторые другие темы этих отношений, такие как взгляды на международную систему, безопасность в Центральной Азии и на Корейском полуострове, источники энергии и её транспортировка, имеют более глобальную природу и в большей степени позволяют привлечение западных акторов. Со временем Москва склоняется к большей активизации на китайском направлении и рассматривает вновь появляющиеся вопросы в контексте своих отношений с Пекином.

Россия и Китай, в рамках двусторонних отношений, с успехом решают вопросы трансграничной миграции и территориальные споры. Оба государства имеют также во многом схожие взгляды на территориальную целостность и последовательно выступают с осуждением сепаратизма на территориях друг друга, идёт ли речь о Чечне или о Тайване. Москва и Пекин формально расходятся по вопросу о признании отделившихся от Грузии территорий Абхазии и Южной Осетии. Озабоченный собственной территориальной целостностью, в частности, в свете действий уйгуров в преимущественно мусульманской провинции Синьцзян, Пекин не одобрил решение России. При этом на неформальном уровне китайцы выразили поддержку России во время кризиса на Кавказе и этот вопрос не вызвал осложнений в отношениях между двумя государствами. Китайские СМИ приняли сторону России во время конфликта. Кроме того, уже после признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, китайские эксперты всё же были склонны поддержать озабоченность России проблемой расширения НАТО³.

³ E. Wishnick, *Russia, China, and the United States in Central Asia*, Carlisle (PA), Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, февраль 2009, с. 41.

Россия и Китай также во многом сходятся во взглядах на динамику международной системы, которую оба государства расценивают как зарождение многополярного мира. В апреле 1996 года они впервые заявили о вступлении в новую стадию партнёрства, а годом позже лидеры двух стран подписали Совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, в которой отразилось их видение многополярности как текущего процесса. Последующие военные интервенции Запада – НАТО в Югославии в 1999 году и США в Ираке в 2003 – ещё более укрепили сближение российских и китайских приоритетов в вопросе о международном порядке. Кроме того, обе страны отказались поддержать санкции Запада против Ирана в ответ на его предполагаемое стремление к созданию ядерного оружия.

Взгляды двух государств на вопросы региональной безопасности также совместимы, по крайней мере в среднесрочной перспективе. В Центральной Азии Кремль отдаёт предпочтение решению проблем безопасности скорее путём систематической координации усилий государств, чем применением силы созданными ad hoc коалициями. Вместе с Китаем и четырьмя центральноазиатскими государствами, Россия укрепляет Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), призванную ответить на угрозы терроризма и заполнить вакуум в региональной безопасности. В Восточной Азии Москва отстаивала многостороннее решение северокорейского ядерного кризиса и внесла значительный вклад в создание в 2003 году шестистороннего формата процесса его преодоления. Более того, руководство России выразило поддержку идее объединения двух Корей, при условии, что этот процесс будет упорядочен и основан на диалоге между двумя странами.

Развиваются также российские связи в Азии в сфере продажи оружия и энергоносителей. В контексте пренебрежения Запада к российскому оружию как низкосортному, Китай и Индия превратились в крупнейших оружейных клиентов России. С 2001 года Россия также проявляет интерес к сотрудничеству с Китаем и другими незападными государствами по энергетическим и транспортным проектам. В мае 2003 года президент Китая Ху Цзиньтао подписал с Россией соглашение о поставках нефти сроком на 25 лет. Однако до недавнего времени этому соглашению не был дан ход. Эта отсрочка отразила, в частности, страх России перед возможностью захвата Китаем контроля над частью Сибири. Однако недавно подписанная нефтяная сделка на сумму в 90 млрд. дол. США продемонстрировала способность Москвы и Пекина преодолеть существующие между ними разногласия по ценам, социальным условиям и управлению транспортными путями. В обмен на предоставление российским нефтяным компаниям кредита в 25 млрд. дол. США, российская государственная нефтяная компания согласилась поставить 15 млн. тонн нефти Китаю в 20-летний период.

Вопрос о доступе к центральноазиатским энергетическим запасам вызывает более серьёзные трудности. Хотя территория России предоставляет наиболее короткий путь экспорта энергетических ресурсов в Европу, Китай всё с большим успехом

осуществляет своё экономическое влияние и выигрывает новые контракты с самыми богатыми на энергоресурсы государствами региона, такими как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

В таблице 1 обобщены ключевые вопросы российско-китайских отношений и процессы их разрешения.

Таб. 1. Российско-китайские отношения: вопросы и решения

Вопрос	Процесс разрешения
1. Трансграничная миграция	Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года и Протоколы о демаркации границ от 14 октября 2004 года и 21 июля 2008 года.
2. Территориальные споры	Протоколы о демаркации границ от 14 октября 2004 года и 21 июля 2008 года.
3. Сепаратизм / территориальная целостность	Двусторонние заявления о взаимоподдержке 2001 и 2004 годов.
4. Взгляд на международную систему	Двусторонние заявления в пользу многополярного мира: 1997, 1999, 2005.
5. Безопасность в Центральной Азии	ШОС (Китай, Россия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан), созданная 15 июня 2001 года.
6. Северная Корея	Шестисторонние переговоры (Китай, Япония, Россия, США, Северная Корея, Южная Корея), с августа 2003 года.
7. Российская энергия	Двусторонние переговоры и долгосрочные контракты, крупнейшее нефтяное соглашение достигнуто 17 февраля 2009 года.
8. Центральноазиатская энергия	Не решён (соперничество).

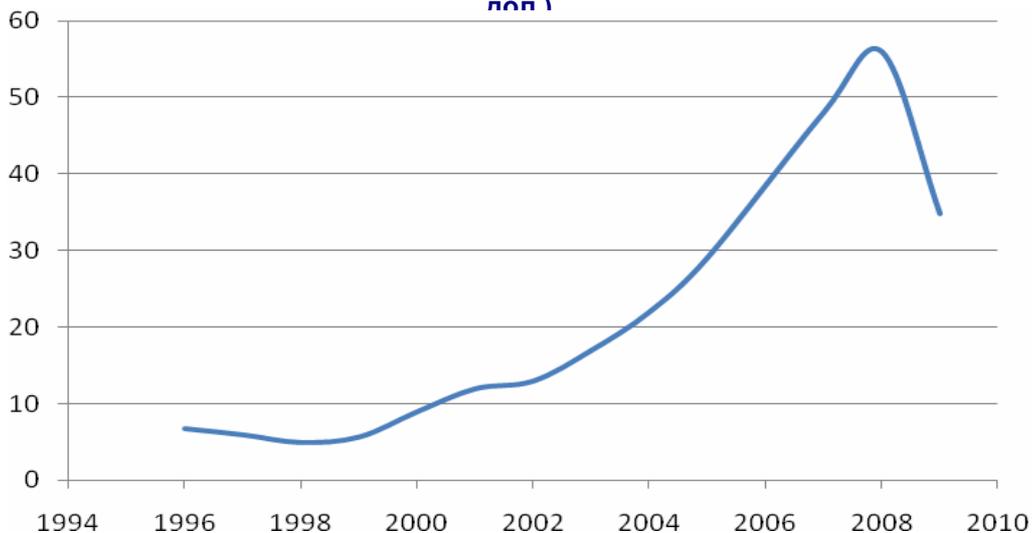
Развитие российско-китайских отношений

Постепенное развитие российско-китайских отношений служит демонстрацией нарастающего сближения в торговле и политике. Ранний постсоветский период характеризовался пассивностью восточной политики российского руководства. В феврале 1992 года договор о границах с Китаем был ратифицирован Верховным Советом РФ, однако президент Б. Ельцин и министр иностранных дел А. Козырев продолжали настороженно относиться к Китаю, осознавая его антизападную позицию и критическое отношение к демократическому пути развития России. До конца 1992 года российские лидеры и политики избегали встреч с представителями Китая. В марте 1992 Андрей Козырев посетил Китай, надеясь стимулировать экономическое сотрудничество между двумя государствами. Однако этот визит продлился лишь 30 часов, между сторонами возникли разногласия по вопросам о правах человека, что привело к официальному заключению о том, что в российско-китайских отношениях «множество элементов взаимного согласия».

существуют с различиями в подходах к некоторым достаточно значимым вопросам».⁴ Визит Бориса Ельцина в Китай в декабре 1992 года позволил в некоторой степени наверстать упущенное в торговле между двумя странами, но не изменил ситуацию принципиальным образом.

В середине 1990-х годов геостратегические и экономические связи России вне западного пространства начали развиваться, в частности, в результате давления со стороны внутренней оппозиции. Политика второго министра иностранных дел России Евгения Примакова была нацелена на укрепление позиции России на мировой арене в ущерб западным государствам, в особенности США, и отражала взгляды Примакова на многополярность как текущий процесс. В декабре 1998 года Примаков даже высказался в пользу российско-китайско-индийского альянса как «нового полюса в мировой политике». События последних двух лет десятилетия – военные удары США по Ираку, планы создания американо-японского договора о противоракетной обороне, расширение НАТО и бомбардировки Югославии – снова привели Россию и Китай к активной координации ответов на то, что воспринималось ими как угрожающие тенденции в международных делах.

Граф. 1. Российско-китайские торговые отношения, 1996-2009 (млрд. долл.)

Источники: Bobo Lo and Andy Rothman, *China and Russia: Common Interests, Contrasting Perceptions Asian Geopolitics*, CLCA Special Report, май 2006, с. 14; «FACTBOX-China-Russia trade relations», Reuters, 19 мая 2008; «China becomes Russia's leading trade partner», Interfax, 17 июня 2009.
*Данные по 2009 году приводятся только за первый квартал.

При этом экономические отношения продолжали отставать. Несмотря на то, что связи между двумя странами улучшились в сфере

⁴ Ye. Bazhanov, "Russian Policy Toward China," in P. Sherman (ed.), *Russian Foreign Policy*, Boulder, Westview Press, 1995, с. 170.

трансграничной торговли и продаж оружия, в целом торговые отношения не получили какого-либо значительного развития. Как показывает график 1, настоящее улучшение в торговых обменах между двумя странами наступило лишь к 2002 году, после начала экономического возрождения России. Слабость России и тяготение Китая к мировым экономическим рынкам усложнили реализацию геостратегических амбиций Москвы. Таким образом, полноценное стратегическое партнёрство России и Китая оставалось лишь гипотетическим, а усилия Примакова по вовлечению незападных стран в стратегическое партнёрство с Россией с целью создания противовеса Западу не принесли своих плодов.

С избранием Владимира Путина на пост президента России российская экономика начала восстанавливаться и отношения с Китаем сразу же отразили новые приоритеты, заключавшиеся скорее в нормализации и модернизации, чем в развитии стратегических дипломатических альянсов. Продвигая торговлю оружием в Азии, Путин не поднимал вопроса о создании противовеса США или необходимой для реализации этой цели новой стратегической оси. Россия осознавала свою связь с Азией в экономически открытом регионе, в котором сама она, в силу богатства своих природных ресурсов, справедливо играла важную роль и извлекала значительную экономическую, а также политическую выгоду. Хотя её энергетические рынки продолжали оставаться преимущественно европейскими и составляли около 50 процентов её внешней торговли, Россия продолжила достаточно агрессивно позиционировать себя как энергетический трубопроводный узел, связывающий Азию, Европу и Северную Америку.

В ходе президентств В. Путина и Д. Медведева, Россия продолжила нормализацию политических отношений с Китаем. В июле 2001 года Россия и Китай подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве – объемлющее соглашение о стратегическом и экономическом сотрудничестве сроком на 20 лет. Оба государства с 2002 года с успехом используют рамки ШОС для проведения совместных военных и антитеррористических учений. В 2004-2005 годах они подписали и ратифицировали соглашение об окончательной демаркации восточной границы, урегулировав тем самым вопрос о спорных островах на реке Амур. Спустя некоторое время, в ответ на растущее расхождение России с Западом и геополитическое соперничество в бывшем советском регионе, вопрос о равновесии сил между сверхдержавами снова сделался приоритетным для Кремля. Позиционируя себя как энергетическую сверхдержаву, Россия мобилизовала связи с государствами вне западного мира. Россия и Китай все чаще координируют политические заявления и действия в военной сфере. В 2005 году они подписали Совместную декларацию о международном порядке в XXI веке и с тех пор ими проводят множество комплексных и широкомасштабных военных учений. Имеются и признаки того, что два государства разрабатывают сходную позицию по вопросу об Афганистане.

Китай и Запад в международном дискурсе России

Спектр международного дискурса в России

Изучение высказываний российских представителей власти, исследователей, аналитиков в сфере внешней политики и СМИ об отношениях современной России с Западом и Китаем позволяет выделить две группы: «западников» и «синофилов»⁵. «Западники» воплощают историческое стремление России принадлежать западному миру, в то время как «синофилы» – хотя и отличаясь от существовавшего в прошлом течения «славянофилов» – зачастую прибегают к верованиям последних в культурную уникальность России и собственный путь развития. Каждая из групп, в свою очередь, разделяется на две подгруппы в зависимости от того, отстаивают ли их члены тесные отношения с Западом и Китаем на основе прагматизма/интересов или идеологии/ценностей (обобщение существующих в России подходов приводится на рис. 1). Эти направления мысли не только противостоят друг другу, но и взаимно переплетаются, и ни одна из позиций не является полностью однородной в крайне изменчивой российской политической среде.

Рис. 1. «Западники» и «синофилы» в российском дискурсе

⁵ Подробнее с позицией России по отношению к Китаю можно ознакомиться в А. Lukin, *The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the Eighteenth Century*, Armonk, M.E. Sharpe, 2003; V. Shlapentokh, «China in the Russian Mind Today: Ambivalence and Defeatism», *Europe-Asia Studies*, Т. 59, №1, 2007; B. Lo, *Axis of Convenience*, *op. cit.* [2]; A. Leonova, «Electoral Choice, Cultural Capital, and Xenophobic Attitudes in Russia 1994-2006» in *Russian Nationalism*, edited by M. Laruelle, London, Routledge, 2009; P. Rangsimaporn, *Russia as an Aspiring Great Power in East Asia Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin*, New York, Palgrave Macmillan, 2009.

«Западники»-идеологи

»Западники»-идеологи считают Россию страной с западной идентичностью и системой ценностей. Они критически относятся к внутренней ситуации в стране и скептически воспринимают способность России стать сверхдержавой. По мнению этой группы, главной проблемой России является избранная под руководством Владимира Путина экономическая и политическая модель развития. Излишне централизованная и ориентированная на энергетику, эта модель, по их мнению, тормозит модернизацию страны и её интеграцию в западные институты. Политики и эксперты – члены либеральных партий и исследовательских групп, такие как Борис Немцов, Владимир Милов, Евгений Гонтмахер и Игорь Юргенс, подвергают сомнению правительственную Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, считая её ошибочной и нереалистичной⁶. Некоторые из них критикуют вступление России в войну с Грузией и считают невозможной перспективу восстановления страны после нынешнего мирового экономического кризиса без отказа от существующей модели развития.

Более того, идеологические «западники» упрекают правительство в отрицании внутренней слабости нации и возрастающей угрозы со стороны Китая. Группа признаёт относительный упадок Запада, но полагает, что как культурно, так и политически, выбор России должен быть сделан в пользу решения своих экономических проблем и проблем безопасности с помощью Европы и США. По словам директора московского Центра Карнеги Дмитрия Тренина, «Россия не является отдельной цивилизацией или миром в себе» и поэтому «не может серьёзно надеяться стать центром могущества наравне с Китаем и США. Таким образом, невключённость России в европейскую архитектуру безопасности проблематична, в то время как отсутствие Китая в создаваемой США системе урегулирований в сфере безопасности таковым не является»⁷. Подобная позиция остаётся крайне редкой в российских кругах специалистов по внешним отношениям.

«Западники»-прагматики

Более влиятельна позиция «западников»-прагматиков, тесно связанная со взглядами Путина и Медведева. Прагматичные «западники» также стремятся к приоритетным отношениям с Западом, но на основании не ценностных, а экономических и политических интересов России. Изложенные в первой программной речи Путина «Россия на рубеже тысячелетий», эти интересы включают экономическую модернизацию, политическую стабильность и

⁶ Б. Немцов, В. Милов, «Путин и кризис», *Независимая газета*, 20 марта 2009; Ye. Gontmakher, «Who Will Take Power?», *The New Times*, 2 марта 2009; A.E. Kramer, «Political Aide Says Kremlin May Need to Ease Control», *New York Times*, 10 февраля 2009.

⁷ D. Trenin, «Blowing Both Hot and Cold», *Moscow Times*, 24 марта 2009.

укрепление безопасности⁸. Сторонники этого подхода настаивают на том, что сотрудничество России с Западом и её движение к свободе и демократии должно осуществляться в собственном ритме и на собственных условиях. В частности, такие условия предполагают, что страна остаётся великой державой и равноправным членом альянса с западными государствами. Особо показательна в этом смысле речь Путина, произнесённая в Мюнхене в 2007 году, содержащая резкую критику «одностороннего подхода» США к мировой политике, что послужило новым напоминанием о том, что Россия не собирается терпеть по отношению к себе политику, воспринимаемую ею как вмешательство в собственную суверенность и безопасность. Однако эта речь была адресована европейской аудитории и это указывает на то, что приоритеты России продолжают быть связанными с Западом, хотя и на изменившихся условиях⁹. Многие в Администрации Президента и в государственных корпорациях, имеющих экспортные связи с Европой, таких как Газпром, придерживаются подобной точки зрения.

Прагматичные «западники» придерживаются связей с Западом не столько в силу веры в демократию западного типа, сколько в силу понимания центральной роли Запада в глобальной экономике и технологиях. Отдавая приоритет государственному суверенитету и независимости, прагматики в равной мере отдают себе отчёт в опасности, связанной с зависимостью от более сильного Востока. В некотором смысле, они относятся к азиатским соседям России так же как идеологические «западники», то есть со страхом и стремлением к оборонительной позиции. К примеру, В. Путин разделяет озабоченность «западников» о том, что если Москве не удастся улучшить экономическую ситуацию, соседние нации получат возможность эксплуатировать Россию. В одном из своих выступлений на посту президента он выразил явную озабоченность этим вопросом: «Я не буду здесь драматизировать события, но если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»¹⁰.

«Синофилы»-прагматики

Эта группа предпочитает развитие отношений с Китаем, основанных на российских приоритетах в сфере экономики и безопасности. Как и прозападные прагматики, прагматики-«синофилы» верят в сохранение суверенности и независимости России, но полагают, что защитой им в

⁸ В. Путин, «Россия на рубеже тысячелетий», *Независимая газета*, 30 декабря 1999.

⁹ Более подробный анализ см. в А. Tsygankov, *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*, Boulder, Rowman & Littlefield, второе издание, выход в свет в 2010.

¹⁰ В. Путин, «Выступление на совещании "О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья"», Благовещенск, 21 июля 2000 <www.kremlin.ru>. Нынешний президент Дмитрий Медведев выразил сходное мнение, открыто заявив в 2008 году, что Россия может потерять Дальний Восток, если потерпит неудачу в развитии региона: «Medvedev: Far East Ignored too Long», *RIA RosBusinessConsulting*, 26 сентября 2008.

большей степени послужат тесные экономические и политические связи с Китаем, чем с Западом.

Что касается сферы безопасности, точка зрения, отстаивающая необходимость вступления России в военный альянс с Китаем, бытует ещё со времён Примакова среди тех в министерстве обороны, министерстве иностранных дел и военно-промышленном комплексе, кто усматривает в однополярной структуре международной системы, в центре которой стоят США, опасность для мирового сообщества. Для Примакова и его сторонников, развитие многополярного мира являлось необходимым условием для возрождения статуса России как великой державы и, как следствие, главным национальным приоритетом. К примеру, в 2001 году известный российский исследователь Вадим Цымбурский заявил, что Россия может сохранить контроль над зоной своей геополитической ответственности, особенно в Центральной Азии и на Кавказе, развивая культурные и политические альянсы с Китаем, Индией и Ираном. При этом он посетовал на то, что политика Путина оставляет мало надежды на выполнение этой задачи, принимая решения об «участии в чужой войне» и «сдаче» Центральной Азии и Грузии американцам¹¹. В 2003 году, Михаил Маргелов, глава комитета по международным делам Совета Федерации, подчеркнул значение китайско-российских уз в треугольнике Россия-Китай-США¹². В опубликованном в 2007 году влиятельном сборнике *Русская доктрина*, подготовленном экспертами, связанными с военными и религиозными кругами¹³, отстаивается понятие долгосрочных альянсов с неевропейскими государствами, с целью оказать сопротивление Западу и достичь самодостаточности. Предсказывая уход США из Азии в период с 2010 по 2015 годы, националисты призывают к «полноценному политическому, экономическому и, в идеале, военному союзу в духе Варшавского договора» с Китаем, Индией, Ираном и другими незападными государствами¹⁴.

В сфере экономических отношений этой позиции часто придерживаются энергопроизводители и военные промышленники, стремящиеся к получению контрактов в Азии, а также те, кто получает прибыль от импорта дешёвых китайских потребительских товаров. Аналитики и исследователи в области энергетики и геополитики настаивают на том, что России следует резко переориентировать свои нефтяные и газовые поставки на евразийские страны, такие как Китай и Индия, что способствовало бы развитию «энергоёмкой продукции» и снижению нынешней роли России как сырьевого придатка Европы¹⁵.

¹¹ В. Цымбурский, «Это твой последний геокультурный выбор, Россия?», *Полис*, №1, 2001.

¹² В. Lo, *Axis of Convenience*, *op. cit.* [2], с. 163.

¹³ В сборнике приняло участие большое число авторов и консультантов, включая православных священников и членов Центра динамичного консерватизма. *Доктрина* также получила поддержку патриарха Кирилла. Полный список авторов доступен на сайте: <www.rusdoctrina.ru/page95506.html>.

¹⁴ *Русская доктрина*, Москва, Яуза, 2007, с. 313.

¹⁵ М. Dmitriyev, «Russia's 'Energy Key' Strategy», *Russia in Global Affairs*, №4, октябрь-декабрь 2006, <<http://eng.globalaffairs.ru/numbers/17/1070.html>>.

Кроме того, некоторые государственные корпорации становятся получателями китайских займов. К примеру, китайский кредит в 6 млрд. дол. США позволил Роснефти, крупнейшей российской нефтяной компании, приобрести Юганскнефтегаз после продажи Юкоса¹⁶.

В СМИ и экспертных кругах прагматичный, центрированный на Китае подход отстаивается участниками совместных проектов с Китаем или получателями различных форм поддержки от китайских организаций. Например, влиятельный российский Институт Дальнего Востока развивает исследовательский подход, глубоко симпатизирующий идее стратегического экономического и военного партнёрства с Китаем¹⁷.

«Синофилы»-идеологи

Наконец, в диапазоне российских международных установок можно выделить группу тех, кто восхищается ценностными ориентациями Китая, выражающимися в его модели развития и националистическом сопротивлении Западу. Коммунистическая партия РФ и некоторые евразийцы защищают идею тесного альянса с Китаем или Ираном, с целью возвращения к «культурным истокам» и защиты себя от влияний Запада, которые воспринимаются этой группой как наиболее опасные¹⁸. По их мнению, России следует создать евразийскую коалицию как значимый противовес Западу, выдвинуть американцев из Евразии и воспроизвести китайскую модель развития, поставив акцент на государстве и культуре. Сторонники этой позиции зачастую подвергают критике прагматичных «западников» и «синофилов», обвиняя их в мышлении исключительно в терминах интересов и практической выгоды. Идеи суверенности и независимости критикуются ими не в силу устарелости этих понятий – с чем могли бы согласиться западники –, а в силу того, что принцип суверенности опирается на идею нации или цивилизации. В отличие от предыдущей группы, идеологические «синофилы» достаточно далеки от Кремля и их точка зрения оказывает несравнимо меньшее влияние на государственную политику.

¹⁶ Руководит Роснефтью Игорь Сечин – вице-премьер и один из наиболее влиятельных представителей «силовиков». В. Ло, *Axis of Convenience*, *op. cit.* [2], с. 145, 249.

¹⁷ См., например, монографии директора института М. Титаренко, *Россия: безопасность через сотрудничество*, Москва, Институт Дальнего Востока, 2003; *Геополитическое значение Дальнего Востока*, Москва, Памятники исторической мысли, 2008, в которых он отстаивает понимание России как евразийской державы.

¹⁸ А. Дугин, «Внешнестратегическая эклектика или стратегия российской внешней политики», *Российская газета*, 21 января 2005; М. Леонтьев, «Страна, которая хочет посорить Россию с Китаем», *Комсомольская правда*, 22 июля 2008; М. Юрьев, «Китайская угроза: факты и фикция», *Профиль*, 14-20 января 2008.

Развитие международного дискурса России

От риторики идеологических «западников» сразу после развала СССР, дискурс России по отношению к Китаю со временем в большой мере перешел под контроль прагматичных «синофилов». Позиция последних на сегодняшний день имеет немало сторонников в правительстве, энергетических корпорациях, поддерживающих тесные связи с Азией, военно-промышленном комплексе, правительственных структурах крупных городов со значительным присутствием китайских эмигрантов и в некоторых влиятельных СМИ. Хотя международный дискурс страны отражает главным образом государственные приоритеты, сегодняшняя слабость государства позволяет группам, представляющим различные интересы, оказывать существенное влияние на политические решения.

В начале 1990-х годов политическую повестку дня в России определяли идеологические «западники». Несмотря на заложенные М. Горбачёвым основы для улучшения отношений с Китаем в виде подписания двух важных совместных коммюнике и договора о границах, развитие отношений замедлилось по причине растущих идеологических расхождений. «Западники» настаивали на том, чтобы отношения с «варварским» Востоком были ограничены вопросами национальной безопасности. В идеологическом образе мыслей ранних реформаторов России Восток ассоциировался скорее с «отсталостью» и «авторитаризмом», чем с «процветанием» и «демократией» западных «цивилизованных наций». Многие в лагере «западников» полагали, что незападные режимы, такие как Китай и ближневосточные страны, вскоре последуют советскому и восточноевропейскому примеру и рухнут именно в силу того, что являются «недемократическими». Китай подвергся особому презрению в связи с расправой с китайскими демократами на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, а также поддержкой Пекином в августе 1991 года антигорбачёвского путча в Москве.

Вступление Евгения Примакова в должность министра иностранных дел России стало предвестником изменений в установке России по отношению к Китаю. Стратегический официальный дискурс подчёркивал геополитическое значение китайского государства в строительстве зарождающегося многополярного мира. Что касается Запада и НАТО, новым рациональным подходом стало комбинирование сотрудничества и сбалансированной политики при одновременном укреплении связей с незападными государствами. По-видимому, обширной части политического класса страны импонировала новая прагматичная перспектива «синофилов» – одни были озабочены политическим и военным доминированием США в мировых делах, другие опасались болезненных экономических реформ и приветствовали государственный патернализм. «Западники» оспаривали этот взгляд и заявляли о том, что многополярность не является ничем иным как новым примером необоснованных великодержавных амбиций, однако в течение

некоторого времени их критика не имела большого результата. Идеологические «синофилы», атаковавшие новую официальную позицию как «недостаточную» в восстановлении традиционных советских внешних политических связей и российских «евразийских ценностей», также не добились успеха.

Во время президентства Владимира Путина российская позиция по Китаю развернулась в сторону прагматичных «западников» и отошла от прагматичного подхода Примакова, ориентированного на Китай и Индию. В этот момент государство услышало тех, кто критиковал бывшие приоритеты, такие как возрождение СНГ в качестве движущей силы постсоветской интеграции, сопротивление восточной экспансии НАТО и попытки построить ось безопасности Россия-Китай-Индия, как принципиально неуместные. Даже некоторые из бывших сторонников Примакова оказались разочарованными старым курсом и перестали поддерживать его.

В более недавнем прошлом, в ответ на разочарование Кремля изначально прозападным курсом Путина, международная установка России вновь переориентировалась на позицию прагматичных «синофилов» – на этот раз без открытой поддержки государства. Хотя официальный дискурс продолжает настаивать на укреплении экономических отношений в мире, особенно с Европой, государство подвергается возрастающему давлению со стороны различных групп интересов, поддерживающих связи с Китаем. В ответ на возникновение новой напряжённости между Россией и Западом, риторика стратегического партнёрства с Китаем заполнила пространство СМИ, добившись позиционирования отношений с США и другими западными государствами исключительно в терминах игры с нулевой суммой. Население России также всё более симпатизирует Китаю. Например, один из опросов общественного мнения показал, что количество россиян, воспринимающих Китай как стратегического и экономического партнёра России, возросло за последние несколько лет с 34% до 41%. Кроме того, 47% опрошенных с оптимизмом смотрят на будущее российско-китайских отношений¹⁹.

¹⁹ «Most Russians See China As Strategic Partner – Poll», *Itar-Tass*, 16 июня 2009.

Объяснение разворота России к Китаю

Три фактора – экономический подъём Китая, односторонний подход США и государственная слабость России – объясняют возросший интерес России к своему азиатскому соседу со времён окончания холодной войны.

Экономический подъём Китая

Очевиднейшей реалией постсоветской эпохи является тот факт, что до 2000 года российская экономика катастрофически ослабевала, в то время как китайская быстро и стабильно росла. К концу 1990-х годов ВВП Китая в пять раз превосходил ВВП России, что вызывало сильное беспокойство «западников», осознававших опасность наступления Китая на Дальнем Востоке. В 2000-х годах российская экономика начала оправляться после наиболее долгой в своей истории экономической депрессии. Однако даже сейчас доля России в мировом ВВП составляет лишь 2,3% и эта цифра к 2020 году не превысит 3,5%²⁰. В течение ближайших 10-15 лет разрыв между долей России в мировом ВВП и долями Китая и Индии будет продолжать увеличиваться; более того, доля США вряд ли значительно сократится в сравнении с долей России. Таким образом, подъём Китая и растущий разрыв с его мощью и влиянием представляют для России серьёзный вызов. Поскольку Россия продолжает поставлять Китаю энергию и оружие, а темпы роста экономики Китая значительно превышают показатели его северного соседа, возрастает риск превращения Москвы в младшего партнёра в руководимой Китаем коалиции.

Растущая напористость Китая проявляется в попытках Пекина приобрести энергетические активы России, добиться выгодных для себя сделок и сделать Россию более зависимой от его растущих рынков сбыта. Например, в 2002 году Национальная нефтяная корпорация Китая попыталась приобрести Славнефть²¹. Пекин также

²⁰ A. Kuchins and R. Weitz, *Russia's Place in an Unsettled Order—Calculations in the Kremlin*, Washington DC, The Stanley Foundation, 2008, с. 6.

²¹ N. Norling, «China and Russia: Partners with Tensions», *Policy Perspectives*, 2007, с. 44.

известен своими агрессивными попытками навязать цены за энергоносители ниже рыночного уровня²². Некоторые российские СМИ подвергли критике недавно заключенный 20-летний нефтяной контракт и другие соглашения с Китаем за непропорциональность уступок с российской стороны²³. Учитывая растущие потребности России в китайских инвестициях, кредитах и рынках сбыта²⁴, Россия вынуждена удерживаться от предъявления экологических претензий своему соседу, в частности, по поводу загрязнения реки Амур; кроме того, Кремлю пришлось уступить некоторые территории, отошедшие Китаю в соответствии с договорами о границах²⁵.

Однако, с точки зрения «синофилов», подъем Китая представляет новые экономические возможности, которыми Россия должна воспользоваться. Они включают двустороннюю торговлю, объем которой продолжает сильно отставать от торговых обменов Китая с США или другими западными государствами. На данный момент, основную часть российского экспорта в Китай составляют энергия и оружие, в то время как импортируемые товары включают всё от электроники до одежды. Кремль может применить модель недавно подписанного нефтяного соглашения с Китаем к другим сферам энергетики, включая электроэнергию, природный газ и атомную энергию²⁶. Относительно низкая производительность и дорогая рабочая сила в России снижают её конкурентоспособность, что открывает Китаю новые возможности влияния на северного соседа. С ростом влияния Китая укрепляется и китайское лобби в России. В результате, даже текущие внутренние экономические решения в России всё в большей степени учитывают интересы Китая. Например, в июле 2009 года Пекин направил в Москву делегацию для проведения переговоров по ситуации, в которой оказалась большая группа этнических китайцев, затронутых решением московского правительства закрыть крупнейший в городе Черкизовский рынок по причине многочисленных нарушений трудового и иммиграционного законодательства. Руководимая заместителем министра Китая по торговле, делегация добилась восстановления рыночной зоны в обмен на китайские инвестиции размером в 1 млрд. дол. США.

²² *Коммерсантъ*, 22 июля 2008. О расхождении российской и китайской энергетических политик в Центральной Азии см. Flikke and Wilhelmsen, *Central Asia*, *op. cit.* [2].

²³ И. Наумов, «Россия глубже подседа на китайскую иглу», *Независимая газета*, 29 октября 2008, <www.ng.ru/economics/2008-10-29/4_china.html>; Ю. Латынина, «Уходя гасите свет», *Новая газета*, 6 июля 2009, <www.novayagazeta.ru/data/2009/071/11.html>.

²⁴ F. Lukyanov, «Russia, China Have Few Political Differences But Economic Interests Diverge», *Gazeta*, 28 июля 2009.

²⁵ По оценкам некоторых российских экономистов, убыток России от передачи территорий составляет 3 млрд. дол. США (*Коммерсантъ*, 22 июля 2008).

²⁶ Вице-премьер И. Сечин выступил с подобным предложением после подписания нефтяного соглашения (Е. Григорьева, «Нефть развернули на Восток», *Известия*, 22 апреля 2009).

Односторонняя политика США

Если подъём Китая составляет основу развития экономических отношений с Россией, односторонняя позиция США способствует укреплению связей между Россией и Китаем в сфере безопасности и во взглядах на тот миропорядок, к которому стремятся оба государства. Так, в ходе проводимой НАТО под руководством США военной интервенции в Югославии, Пекин был предельно возмущён якобы случайной бомбардировкой китайского посольства и поддержал российскую критику в адрес западных государств. «Синофилы» получили таким образом весомый аргумент в пользу усиления стратегических связей с Китаем и другими незападными странами. Последовавшие за этим действия США при администрации президента Джорджа Буша – расширение НАТО, односторонний выход из договора по ПРО и военное вмешательство в Ираке – ещё более укрепили позицию российских «синофилов», в особенности приближённых к структурам безопасности. Позиция Китая по этим вопросам сблизилась с российской, с тем лишь отличием, что Китай не заявляет её столь же громогласно. Пекин также поддержал военный ответ Кремля на нападение Грузии на Южную Осетию, хотя и воздержался от поддержки признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Хотя согласованная позиция России и Китая не достигла – по крайней мере к настоящему времени – уровня создания коалиции, способной стать противовесом Западу, некоторые исследователи видят в поведении двух государств применение умеренных компенсирующих тактик, направленных против США²⁷.

Слабость российского государства

Слабость российского государства проявляется в неспособности решить жизненно важные проблемы и ограничить влияние могущественных лоббистов. Это способствует складыванию у россиян негативного мнения о слабом государстве, неспособном решить демографические, экономические и идеологические проблемы. В отличие от Китая Россия обладает стареющим и сокращающимся населением. Показатели продолжительности жизни и детской смертности в России резко ухудшились с конца 1980-х годов. С 2005 года эти показатели начали улучшаться, но лишь незначительно. Кроме того, после распада коммунистической системы россияне живут в идеологическом вакууме и должны заново формулировать свои исторические ценности. К тому же, государству ещё только предстоит предложить привлекательные для своих соседей проекты «мягкой

²⁷ R.A. Pipe, «Soft Balancing against the United States», *International Security*, Т. 30, №1, 2005.

власти» (*soft power*). Другой аспект государственной слабости касается административной неэффективности, вызывающей трудности формулирования и проведения долгосрочной политики. Российское государство в настоящий момент недостаточно консолидировано, ему не хватает легитимности и способности ограничить давление набирающего мощь прокитайского лоббирования. Хотя среди широких масс населения Д. Медведев и В. Путин пользуются популярностью, им ещё только предстоит превратить свой политический капитал в эффективные административные реформы.

Заключения и выводы

В первую очередь следует выделить тот факт, что Россия оказывается всё менее способной сопротивляться растущему экономическому и политическому влиянию Китая. Это влияние значительно возрастает как на уровне действий российского государства, так и в его национальных установках и дискурсе, что выражается в растущей значимости группы российских «синофилов» в национальных дебатах. Относительная экономическая и административная слабость России будет продолжать тормозить её способность сохранить политическую независимость и другие атрибуты державности. Хотя российское государство в значительной степени оправилось от хронических болезней 1990-х годов, что позволило ему завоевать большее доверие и сохранить важные атрибуты державы, в обозримом будущем оно всё же не сможет выступать на равных с Западом или с Китаем. Несмотря на риторику возрождения, Россия не становится и не имеет возможности стать великой державой перед лицом растущих международных вызовов, таких как продолжающаяся экспансия западного и китайского влияний в Евразии. Сегодняшние попытки России принять участие в этих процессах не служат гарантией способности делать это в будущем; а экономический кризис ещё больше ограничивает возможности Кремля.

По всей видимости, России не удастся превратиться в новый независимый центр власти и культурного влияния в ходе ближайших двадцати лет, поэтому ей необходимо ставить перед собой реально достижимые цели. Выбор в пользу западных государств под влиянием идеологических «западников» после окончания холодной войны дорого обошелся России. Вариант стать младшим партнёром ведомой Китаем коалиции не является более привлекательным и так же, по всей видимости, был бы не в пользу российских интересов и влияния в мире. Существует стратегия, которая, возможно, могла бы ответить на потенциально неблагоприятные внешние условия путём решения внутренних вопросов и отхода от активного участия в международных делах (*back-passing*). К подобной политике, в частности, прибегал Китай в конце XX – начале XXI веков. Стоит, однако, отметить, что эта стратегия может оказаться невозможной для России, огромная территория которой, а также центральное географическое положение между Европой и Азией, не позволяют ей переложить ответственность за принятие решений по ключевым вопросам мировой политики на другие державы.

Остаётся вариант стратегии «сосредоточения», к которой Россия прибегала в XIX веке после поражения в Крымской войне. Двумя ключевыми принципами этой стратегии, предложенной в те времена новым канцлером Российской империи князем Александром Горчаковым, были относительный отход от европейских дел и гибкие союзы с другими государствами. Если первый принцип был необходим для проведения внутренних реформ после поражения в войне, второй был предложен как способ обеспечения международного спокойствия государства, необходимого для внутреннего восстановления. В отличие от политики отказа от однозначных международных выборов, стратегия «сосредоточения» позволяет сохранить участие государства в международных делах и, поэтому, может в большей мере соответствовать нынешнему моменту, когда мир вступил в период перехода от доминирования США к полноценной многополярности. Во время этого переходного периода Россия окажется в группе государств, от позиции которых будет зависеть равновесие власти между крупнейшими мировыми державами – США, Европейским союзом и Китаем²⁸. Продолжая быть настойчивой в защите своих ключевых интересов, Россия могла бы разработать долгосрочную стратегию гибких межкультурных союзов и концентрации на внутренних вопросах. В случае, если Китай не проявит излишне экспансионистских тенденций, России удастся также добиться международного спокойствия, необходимого для обеспечения длительного периода стабильного внутреннего экономического роста на основе диверсификации его источников.

Для западного мира, перспектива растущей «синофилизации» российской внешней политики вызывает необходимость изменения курса. Вместо того, чтобы пытаться сохранить западное или американское доминирование в XXI веке, Вашингтону и Брюсселю следовало бы подготовиться к утрате положения мирового гегемона. Напряжение между Россией и Китаем существует и может в будущем даже возрасти, однако Запад имеет возможность воздействовать на ситуацию путём продвижения подлинно многостороннего диалога в Евразии и за её пределами. Если жезападные государства продолжат руководствоваться в своих действиях имперскими или гегемонистскими соблазнами, незападные нации, начиная с России и Китая, выступят в защиту своих стратегических и экономических интересов. В отсутствие прочных международных институтов, такого рода взаимодействие повлечет за собой не мир и стабильность, а риск новых конфликтов. Предотвращение дальнейшей «синофилизации» политики Кремля требует от Запада укрепления связей с Россией, одновременно сохраняя существующие тесные контакты с Китаем. Запад должен не столько поощрять прозападный выбор России, сколько препятствовать её прокитайским тенденциям в ущерб связям с западными государствами. Цель должна заключаться не в маргинализации или изоляции Китая, а в укреплении способности

²⁸ P. Khanna, *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*, New York, Random House, 2008.

России самой выбирать своих будущих партнёров в постзападном мире.